Документы РГАДА и Госархива Воронежской области по истории церквей и монастырей г. Ельца и Елецкого уезда в XVII–XVIII вв.

Ключевые слова: писцовая книга, переписная книга, приходно-расходная книга, ревизская сказка, церкви и монастыри г. Ельца и Елецкого уезда, Российский государственный архив древних актов, Государственный архив Воронежской области.

Важной задачей современной науки является изучение вопросов церковной истории в региональном аспекте, без чего невозможно восстановить полную картину жизни российского средневекового общества.

Город Елец и Елецкий уезд в 1682 г., выделившись из Рязанской митрополии, вошли в состав новообразованной Воронежской епархии во главе со святителем Митрофаном. На протяжении XVII в., параллельно с освоением и заселением новых земель, основанием сел, укреплялось и положение Церкви. К началу XVIII в. в г. Ельце насчитывалось 18 церквей и часовен, 90 приходских храмов в селах Елецкого уезда и три монастыря – Елецкий Троицкий мужской в городе на посаде, женский – Знамения Курской иконы Божьей Матери на Каменной горе, Тешевский (Задонский) мужской в Засосенском стане (недалеко от места впадения речки Тешевки в реку Дон) и Даншина пустынь, находившаяся также на территории Засосенского стана на берегу Дона на Доншином городище. История их бытования нашла освещение в документах Российского государственного архива древних актов (РГАДА), отложившихся в фондах Поместного (Ф. 1209), Монастырского (Ф. 237), Разрядного приказов (Ф. 210), Коллегии экономии (Ф. 280), «Грамоты Коллегии экономии» (Ф. 281), а также Государственного архива Воронежской области (ГАВО) в фондах Воронежской духовной консистории (И-84) и Воронежского духовного архиерейского судного приказа (И-297). Из них первостепенное значение для изучаемой темы имеют писцовые и переписные книги г. Ельца и Елецкого уезда, переписные книги монастырских вотчин Воронежской епархии 1702 г., приходно-расходные книги монастырей. Мы имеем дело с неизданными архивными источниками, хотя исследователи обращались к ним неоднократно¹. Выдержки из переписной книги монастырских вотчин Воронежской епархии были опубликованы воронежским краеведом П.В. Никольским в 1903 г.²

Цель настоящей статьи – охарактеризовать названный комплекс архивных документов и раскрыть их источники возможности для изучения истории церквей и монастырей г. Ельца и Елецкого уезда в XVII–XVIII вв.

Разнообразную информацию о составе, местонахождении, размерах церковного и монастырского землевладения содержат хранящиеся в фонде Поместного приказа писцовые книги. Это основной учетно-окладной документ, фиксировавший население с подворным описанием городов, сел, других населенных пунктов, а также их пашенных земель и сельскохозяйственных угодий. В них заносились размеры основного поземельного налога («тягла») и выплаты по различным оброчным статьям³. Для облегчения работы писцы получали из центрального ведомства копию с предыдущей писцовой книги данной местности (она называлась «приправочной»).

Применительно к Ельцу и Елецкому уезду известны Писцовая книга 1628–1630 гг., составленная Леонтием Погожевым и Кириллом Семеновым⁴, и Писцовая книга 1691–1693 гг. Тихона Камынина⁵. Описание в них дано по городам, уездам и станам. В Елецком уезде

таковых было четыре: Елецкий, Воргольский, Бруслановский и Засосенский. В каждый из станов входили десятки сел и деревень, причем непременным атрибутом села являлась приходская церковь. С нее и начиналось описание населенного пункта: «Село Афанасьевское, Короткое Большое тож, под Радушкиным лесом, а в селе церковь святых отцов Афанасия и Кирилла»⁶. Далее подробным образом характеризовались размеры и местоположение земельных владений, виды церковных и хозяйственных построек, число крестьянских и бобыльских дворов, если таковые имелись при церквях или монастырях.

Книга 1628–1630 гг. содержит описание всего Елецкого уезда. По оценке историков, именно эта перепись южных уездов «подводила итог первому этапу освоения и заселения Черноземного центра России»⁷. Писцовая книга 1691–1693 гг., к сожалению, сохранилась частично. Полностью дошли до нас только описания самого города и Засосенского стана, содержащие вместе с тем информацию по всем елецким монастырям и 15 церквам Ельца⁸.

Вопрос о достоверности сведений писцовых книг не раз поднимался в исторической науке⁹. Так, С.Б. Веселовский отмечал неточность измерения писцами земли и рекомендовал «относиться очень осмотрительно к этим данным, изыскивать и употреблять возможные критические приемы проверки»¹⁰. В самой же Писцовой книге 1628–1630 гг. также находим указание на то, что помещик мог намеренно исказить сведения, и тогда «по допросу» крестьян, «всяких сторонних и тутошних людей» выяснялось истинное положение дел¹¹.

Тем не менее критический подход к информации писцовых книг отнюдь не исключает возможности их использования как статистического источника¹², в том числе по землевладению церквей и монастырей Елецкого уезда в XVII в.

Информацию о составе и численности церковного зависимого населения содержат переписные книги 1646 г. переписи князя Ф.Б. Барятинского и подьячего Д.Болотова¹³ и переписные книги 1678 г. переписи досмотра В.И. Сухотина и подьячего А.Острикова¹⁴, также хранящиеся в фонде Поместного приказа. В переписных книгах, в отличие от писцовых, описывались не земли, а дворы, поскольку они отражали подворную общегосударственную перепись населения, которая проводилась повсеместно в 1646–1648 гг. Вторая общегосударственная перепись 1676–1678 гг. сохраняла свою силу вплоть до введения ревизий¹⁵. В обеих переписных книгах приводится перечень елецких городских церквей и монастырей. Сведения о них ограничиваются указанием количества дворов, принадлежавших церковнослужителям и проживавшим на церковной и монастырской земле бобылям и крестьянам. Так, при описании каждой из 15 елецких церквей упоминается двор «попа» (священнослужителя, обязательной фигуры каждой действующей церкви). Многие церкви имели в своем штате еще и дьячка, пономаря, просвирицу¹⁶. Переписная книга 1646 г. фиксирует наличие 26 бобыльских дворов на монастырских землях и 32 дворов на церковных¹⁷.

Важнейшим источником по истории хозяйственной деятельности монастырей Елецкого уезда является Переписная книга Воронежской епархии монастырским вотчинам 1702 г.¹⁸, сохранившаяся в фонде Монастырского приказа. В начале XVIII в. такие книги составлялись на владения каждого монастыря и архиерейского дома. Описание проводилось под руководством приказа по всей стране с 1702 по 1705 г. Охвачены были все монастыри и монастырские вотчины. Монастырский приказ посылал на места переписчиков с соответствующим наказом. В этой роли чаще всего выступали стольники или приказные служители¹⁹, которые пользовались писцовыми и переписными книгами, описями монастырского имущества, составленными в конце XVII в., и сравнивали их данные с наличным имуществом. Переписчикам подавались также сказки монастырских властей (казначей и др.) и сельской администрации (старост, целовальников) о наличии хлеба, скота,

о повинностях. Наконец, производили они и личный досмотр. Описание выполнялось в двух экземплярах: один отправлялся в Монастырский приказ, другой оставался на месте. Поэтому немало таких документов должно сохраниться в региональных архивах в фондах монастырей²⁰.

Переписная книга Воронежской епархии монастырским вотчинам 1702 г. отразила, прежде всего, сведения о землевладении (его размере, составе, местоположении), хозяйственных и других постройках на территории трех елецких монастырей. В них господствовала паровая система ведения полевого хозяйства с трехпольным севооборотом, в соответствии с которой три примерно равные части земли отводились под озимые культуры, под яровые и «под пар». В документах, как правило, указан размер земельного надела в одном из трех полей с пометкой «а в дву по тому ж». Так, землевладение Троицкого монастыря было сосредоточено в двух вотчинах – с. Дрезгалове (72 ч.) и в д. Большой Верх (150 ч.), а также под Сусловым лесом (100 ч.), что в совокупности составляло 322 четверти в поле, «а в дву по тому ж»²¹. За Тешевским (Задонским) монастырем числилась 381 четверть, за Знаменским – 20 четвертей²². Сравнив по тем же переписным книгам эти данные с размерами земельных владений других монастырей Воронежской епархии, можно сделать вывод, что Троицкий и Тешевский монастыри принадлежали к числу ее крупных вотчинников.

Сведения о количестве крестьянских и бобыльских дворов на монастырской земле приведены не только по состоянию на 1702 г., но и по данным переписных книг 1678 г., что позволяет отследить их динамику. Так, за Троицким монастырем в 1678 г. записано 29 крестьянских и бобыльских дворов, за Тешевским – 41, за Знаменским – один бобыльский двор²³. К 1702 г. количество дворов зависимых людей в обоих монастырях сократилось: в Троицком вымерло четыре двора, в Тешевском убыло семь. Вероятнее всего, в данном случае мы имеем дело с естественным процессом колебания численности зависимого населения, но не должны исключать возможность утаивания монастырскими властями истинного положения дел.

Эта же Переписная книга 1702 г. дает сведения о видах зерновых культур, возделываемых на монастырской пашне, и способах ее обработки. Из трех основных культур (рожь, овес и гречиха) рожь выращивали как озимую культуру, овес и гречиху – в качестве яровых. Хотя монастыри владели значительными площадями земель, обрабатывалась лишь незначительная их часть. Урожайность зерна на монастырских полях Елецкого уезда, как и на территории всей епархии, была невысока. Источник содержит также информацию о доходах и расходах монастырской казны. Доход монастырей был невелик. Сравнительно ощутимой поддержкой монастырской казне служили перевозки, данные монастырям «безоброчно». Так, Тешевскому монастырю был дан перевоз через р. Дон «под монастырем», Знаменскому – мост через р. Сосну под Ельцом и перевоз через р. Дон, по которому проходила большая московская дорога. Доход с мостов и перевозов составлял 3–4 руб. в год в Тешевском монастыре и 15–16 руб. в Знаменском²⁴, однако на них же ложились и расходы (содержание наемных работников на перевозе, починка).

Сведения Переписной книги 1702 г. позволяют сделать вывод о том, что елецкие монастыри были крупнейшими в Воронежской епархии не только по размерам земельных владений, но и по численности зависимого населения, активно участвовали в хозяйственной жизни региона. Вместе с тем в масштабах страны в целом монастыри Юга России, включая Воронежскую епархию, относились к числу самых небогатых.

По мнению М.И. Горчакова, положившего начало изучению монастырских переписных книг, – это не только богатейший источник сведений о деятельности Монастырского приказа как учреждения, но и «драгоценнейший материал для истории русской жизни конца XVII и

начала XVIII в. во всех отношениях»²⁵. Сравнительный анализ переписных книг с другими документами подтверждает достаточно высокую степень их достоверности.

Важнейшую информацию о повседневной монастырской жизни и хозяйственном укладе содержат приходно-расходные книги елецких монастырей и Воронежского архиерейского дома, хранящиеся в фондах Монастырского приказа и Коллегии экономии. В первую очередь это монастырские приходно-расходные книги казначеев Троицкого монастыря старца Селиверста (1704 г.)²⁶ и Задонского Богородицкого монастыря старца Корнилия (1704 г.)²⁷, а также приходно-расходные книги денег и хлебных запасов Троицкого монастыря (1762/63, 1765 гг.)²⁸, расходная книга подушных денег с бобылей Троицкого монастыря (1764 г.)²⁹, приходно-расходная книга штатных денег Богородицкого монастыря (1764 г.)³⁰.

В основе структуры приходно-расходных книг лежат перечни доходов и расходов монастырской казны. Как правило, эти данные оформлялись в виде таблицы, в которой все статьи прихода и расхода расписывались по месяцам текущего года. Основными статьями дохода монастырей были плата прихожан за требы («принесено сорокоусных денег», «принято праздничных молебных денег»), «кружечный сбор» – добровольные пожертвования прихожан с пользой монастырей («принесено из кружки денег»)³¹, арендная плата за сдаваемую в наем монастырскую землю, доход с мостов, перевозных паромов. Полученные средства шли на покупку церковных свечей, вина, ладана; продуктов питания (рыба, икра, калачи, лук, чеснок); хозяйственных принадлежностей (топоры, сани, бумага, чернила), на выплату жалованья игумену, братии и казначею. Степень достоверности монастырских приходно-расходных книг достаточно высока.

Сведения, характеризующие экономическую составляющую жизни елецких монастырей, содержат также приходно-расходные книги денежной казны преосвященного Митрофана, епископа Воронежского 1700, 1702–1703 гг.³² В них упоминаются основные виды окладных и неокладных сборов, взимаемых в епархиальную казну с церковью и монастырем. Из окладных сборов елецкое духовенство выплачивало полоняничные деньги (на выкуп пленных), жалованье домовым людям архиерейского дома, архиерейским певчим. Среди неокладных сборов наиболее крупными были венечные пошлины (первобрачные, второбрачные и третьобрачные), взимаемые с венечных памятей, т.е. разрешений, выдававшихся брачующимся на вступление в брак. Размеры венечных пошлин возрастали пропорционально числу браков. Среди личных сборов с духовенства преобладали ставленные пошлины («от поставления в поповство», «за поставление в дьячки»), уплачиваемые священно- или церковнослужителями при определении их на соответствующую должность.

Таким образом, приходно-расходные книги позволяют очертить систему платежей елецких городских и уездных церквей и монастырей в архиерейскую казну. Помимо того, эти документы отражают наиболее важные события в истории церквей: разрешение на их постройку, освящение, назначение на должность священнослужителей.

Два других документа из фонда Монастырского приказа, содержащие сведения по истории церквей и монастырей: «Опись преосвященного Митрофана, епископа Воронежского, монастырским вотчинам и мельницам» 1703 г. и «О переписи после умершего преосвященного Митрофана, епископа Воронежского, монастырским вотчинам и мельницам» 1704 г.³³ Они добавляют существенные штрихи к характеристике земельных и прочих владений елецких монастырей, свидетельствующие о покровительственном отношении Митрофана к духовенству своей епархии. Так, стоявшая на реке Ельце мельница архиерейского дома первоначально была отдана на оброк братии Елецкого Троицкого монастыря, но в марте 1705 г. епископ Митрофан повелел игумену с братией «владеть этой мельницей безоброчно», а полученные с нее доходы направить «на церковное каменное

строение»³⁴. В «Отписке Воронежского епископа Митрофана о посылке им в Монастырский приказ ведомостей о монастырях» 1703 г. указывается численность братии всех трех елецких монастырей: в Троицком – 13 человек, Задонском – 12, а женском Знаменском – 27 монахинь³⁵.

Важное значение для изучения вотчинных земельных владений елецких монастырей в XVIII в. имеют документы фонда Коллегии экономии, в частности описи монастырских вотчин: «Опись села Слободки Засосенского стана Елецкого уезда – вотчины Задонского Богородицкого Тешевского монастыря» и «Опись деревень Большого Верха и Карытни Бруслановского стана Елецкого уезда – вотчин Елецкого Троицкого монастыря» 1764 г.³⁶ В описи каждой вотчины зафиксированы ее местонахождение, число жителей, размер земельных, сенных, лесных угодий (со ссылками на последнюю перепись 1691–1693 гг. и ревизию 1744 г.). Также приводятся перечни работ, выполнявшихся в пользу монастыря (с указанием числа задействованных крестьян, срока выполнения и размера оплаты их труда). Так, самыми распространенными занятиями были рубка и привоз дров в монастырь, доставка с монастырского двора (находившегося в соседней деревне) муки и крупы, заготовка сена, караул в монастыре и в деревне на монастырском дворе, молотба хлеба, варка пива и кваса. Ценной является информация о хозяйственных и жилых постройках на монастырских дворах в вотчинных деревнях, их материальном положении³⁷.

Другой документ этого фонда – «Описи бобылей, находящихся при Троицком и Богородицком монастырях в городе Ельце»³⁸. Данный источник, составленный в 1763 г., сообщает о зависимом населении монастырей, основной обязанностью которого было выполнение ежедневных хозяйственных дел при монастыре. Никаких сборов с бобылей в описи не зафиксировано («денежных и протчих доходов никогда преж сего не збирывалось и ныне нет»³⁹).

Говоря об источниках по вотчинному землевладению монастырей, нельзя не упомянуть о «Грамотах Коллегии экономии»⁴⁰: послушные грамоты елецким монастырям на владение вотчинами, выписи с отказных, писцовых, межевых книг на земельные владения монастырей в селах и деревнях разных станов. Особую группу составляют отказные, купчие и послушные грамоты архимандриту Троице-Сергиевой лавры на некоторые села и деревни в Елецком уезде (Капыл, Ищеино, Озерки, Красное).

Пристального внимания заслуживают документы фонда Разрядного приказа, в частности столбцы Приказного, Белгородского и Севского столов. Практически все они свидетельствуют об активном участии духовенства в жизни общества и определяют особенности взаимоотношений священнослужителей и мирян. Это взаимные челобитные о захвате церковной земли мирянами, а мирской земли – представителями духовенства; челобитные об отдаче на откуп рыбных ловель, об ограблениях, избиениях, поджогах, краже ульев и другого имущества⁴¹. Среди них выделим «Челобитье святителя Митрофана и игуменьи Иулитты об отдаче Знаменскому Елецкому монастырю Яблоновой и Лепикиной полян, принадлежащих Троицкому монастырю»⁴². Этот документ раскрывает подробности земельного спора, возникшего между Троицким и Знаменским монастырями после учреждения последнего, сообщает сведения об устройстве монастырей, местоположении и размерах их земельных владений в конце XVII в.

К первой четверти XVIII в. относится появление ревизских сказок, что связано с реформой налогообложения, начатой в 1718 г., когда подворное налогообложение заменили подушным. Осенью 1718 г. царским указом было велено собрать «сказки» о количестве душ в каждом населенном пункте⁴³. Таким образом, ревизские сказки содержат сведения о численности духовенства по Елецкому уезду, его половозрастном составе, семейном положении. Известны

«Сказки посадских людей, церковнослужителей г. Ельца, Бруслановского стана, Засосенского и Елецкого» и «Сказки дополнительные церковнослужителей Елецкого и Бруслановского станов Елецкого уезда»⁴⁴. В них при описании каждого села приводятся название церкви, имена и возраст священнослужителей (в среднем 40–55 лет)⁴⁵.

Что касается документов ГАВО, то первостепенное значение представляет фонд Воронежской духовной консистории, начавшей работу в 1682 г. с образованием Воронежской епархии. Здесь содержится информация о духовной жизни всех городов и уездов, входивших в епархию, в том числе о церквях г. Ельца и Елецкого уезда. Однако основные материалы фонда, относящиеся к Елецкому уезду, датируются XVIII в. В основном это дела о назначении на должность церковно- и священнослужителей⁴⁶. Ценно то, что в связи с определением на должность нового служителя в документах описывалось состояние церквей, их землевладение, приходское население. На основании тех же источников можно составить представление о моральном облике и уровне грамотности служителя церкви: должен быть «житья и состояния доброго, не пианиц, в домостроении своем не ленив, не клеветник, не сварлив, не билица, не любодейца, в воровстве и обманстве не обличенный...»⁴⁷.

В фонде Воронежского духовного архиерейского судного приказа привлекают внимание «Царская грамота Митрофану о запрете строить новые монастыри и пустыни» (1701 г.) и «Грамота патриарха Адриана епископу Митрофану о Даншиной пустыни» (1699 г.)⁴⁸, которые существенно дополняют общие представления об основных вехах в истории елецких монастырей. На время управления епархией святителем Митрофаном пришлось очередное рождение Даншиной пустыни: обитель трижды начинала свою историю заново и каждый раз оказывалась в запустении. «Грамота патриарха Адриана...» подтверждает факт передачи обители в 1696 г. во владение московского Донского монастыря под началом архимандрита Антония, а затем ее возвращения в домовые владения Воронежского архиерейского дома⁴⁹.

Таким образом, корпус источников РГАДА и ГАВО содержит разнообразные сведения о церковной и монастырской жизни в г. Ельце и Елецком уезде в XVII–XVIII вв. Их значимость еще больше возрастает, поскольку собственно монастырские и церковные архивы Юга России, в отличие от архивов монастырей северной и северо-западной ее части, не сохранились.

¹ *Водарский Я.Е.* Численность населения и количество поместно-вотчинных земель в XVII в. (по писцовым и переписным книгам) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Кишинев, 1966; *Он же.* Население России в конце XVII – начале XVIII в. М., 1977; *Комолова Э.В.* Воронежская епархия в конце XVII–XVIII вв.: образование, церковная организация, социально-политические отношения: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2006; *Ляпин Д.А.* Дворянство Елецкого уезда в конце XVI–XVII веках (историко-генеалогическое исследование). Елец, 2008.

² *Никольский П.В.* Переписные книги Воронежской епархии монастырским вотчинам // Воронежская старина. 1903. Вып. 2. С. 211–223.

³ Государственность России: Слов.-справ. М., 2009. Кн. 6. Ч. 2. С. 129–130.

⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 132, 133, 134.

⁵ Там же. Д. 137, 138.

⁶ Там же. Д. 132. Л. 1438 об.

⁷ *Важинский В.М.* Сельские поселения Липецкого края в XVII в. // Зап. Липецкого обл. краевед. о-ва. Липецк, 1995. С. 29.

⁸ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 138.

⁹ *Рожков Н.А.* К вопросу о степени достоверности писцовых книг // Исторические и социологические очерки. М., 1906. Ч. 2; *Веселовский С.Б.* Сошное письмо: Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1915–1916. Т. 1–2; *Водарский Я.Е.* Численность населения и количество поместно-вотчинных земель в XVII в. (по писцовым и переписным книгам); *Он же.* Население России в конце XVII – начале XVIII в.

¹⁰ *Веселовский С.Б.* Сошное письмо... Т. 2. С. 367.

¹¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 132. Л. 743 об.

¹² *Водарский Я.Е.* Дворянское землевладение в России в XVII – первой

половине XIX в. М., 1988. С. 8.

¹³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 135.

¹⁴ Там же. Д. 8830.

¹⁵ Государственность России... С. 117–119.

¹⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8830. Л. 19–32 об.

¹⁷ Там же. Д. 135. Л. 313 об.

¹⁸ Там же. Ф. 237. Оп. 1. Д. 261. Л. 1–34.

¹⁹ Булыгин И.А. Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII в. М., 1977. С. 34–35.

²⁰ Горчаков М.И. Монастырский приказ (1649–1725 гг.). Опыт историко-юридического исследования. СПб., 1868. С. 137.

²¹ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 261. Л. 22.

²² Там же. Л. 23 об., 25 об.

²³ Там же. Л. 21 об., 23 об., 25 об.

²⁴ Там же. Л. 22 об., 24, 26.

²⁵ Горчаков М.И. Указ. соч. С. 137.

²⁶ РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 712. Л. 111–113 об.

²⁷ Там же. Л. 114–117.

²⁸ Там же. Ф. 280. Оп. 6. Д. 162, 163, 164, 1857.

²⁹ Там же. Д. 1352.

³⁰ Там же. Д. 1360.

³¹ Там же. Ф. 237. Оп. 1. Д. 712. Л. 112–114.

³² Там же. Л. 1–30 об., 49–79, 155–197.

³³ Там же. Д. 718. Л. 1–2 об.; Д. 748. Л. 1–2.

³⁴ Там же. Д. 718. Л. 2 об.

³⁵ Там же. Д. 680. Л. 1–6 об.

³⁶ Там же. Ф. 280. Оп. 3. Д. 810, 811.

³⁷ Там же. Д. 811. Л. 1–3.

³⁸ Там же. Д. 813.

³⁹ Там же. Л. 5.

⁴⁰ Там же. Ф. 281. Оп. 1. Д. 4612–4661.

⁴¹ Там же. Ф. 210. Оп. 13 «Столбцы Приказного стола». Стб. 24, 123, 127, 150, 157, 162, 270, 428, 444, 604; Оп. 12 «Столбцы Белгородского стола». Стб. 505, 889, 1295; Оп. 14 «Столбцы Севского стола». Стб. 16, 378.

⁴² Там же. Оп. 12. Стб. 1282.

⁴³ www.litera-ru.ru/html/mathaterials/mathaterials_040303.html

⁴⁴ РГАДА. Ф. 350 «Ландратские книги и ревизские сказки». Оп. 2. Д. 931, 933.

⁴⁵ Там же. Д. 931. Л. 1–88.

⁴⁶ ГАВО. Ф. И-84. Оп. 1. Д. 3, 4, 7, 8, 89, 95, 103, 146, 147, 171, 186, 188, 346, 418, 472, 493, 523, 557, 630, 635, 666.

⁴⁷ Там же. Д. 95. Л. 2.

⁴⁸ Там же. Ф. И-297. Оп. 1. Д. 1. Л. 42, 49–52.

⁴⁹ Там же. Л. 49 об., 51 об.